

**Раннемолдавские комплексы средневекового Белгорода
(по материалам раскопок 1999-2000 гг.)**

Белый Город на Днестре принадлежал Молдавскому княжеству чуть больше столетия. Он был присоединен к княжеству во второй половине 1370-х гг., при государе Петру Мушате, потерян – пятого августа 1484 года, взятый войсками султана Баязида Второго¹. Указанное столетие было эпохой наивысшего расцвета средневековой Молдовы, отмеченное славными именами Александру чел Буна и Штефана чел Маре. В значительной степени усилиями молдавских государей город был превращен в первоклассную крепость. Известен целый ряд молдавских строительных надписей из крепости (грекоязычных), относящихся к XV –му веку. Самая ранняя из них принадлежит государю Юге и датируется 1399 г. В ней сообщается о завершении постройки крепости; вероятно речь идет об одном из самых первых этапов строительства².

Выгодное стратегическое положение и размах местной торговли делал Четатя Алба одним из важнейших городов Молдовы, ее морскими воротами. Город подобного значения, безусловно, требовал фортификационной защиты, необходимой всему небольшому княжеству, окруженному не самыми дружелюбными соседями – Польшей, Венгрией, Турцией.

При постройке крепости ближайшие к ее стенам городские кварталы подлежали нивелировке в чисто фортификационных целях. Возведение земляного вала и удобство наблюдения и обстрела с крепостных стен обуславливали необходимость наличия пустог

пространства на определенном расстоянии вокруг крепости. Это обстоятельство определило судьбу оживленного городского квартала золотоордынской эпохи, остатки которого исследуются до сих пор на Центральном раскопе Белгород-Тирского городища. Работы на западной окраине этого участка уже давно прорезают слой нивелированного гласиса крепости. Таким образом, сама пространственная привязка Центрального раскопа предполагает довольно небольшое количество артефактов, относящихся к эпохе функционирования крепости в качестве фортификационного сооружения. Действительно, на Центральном раскопе исследованиями зафиксировано пропорционально мало артефактов молдавской эпохи. Тем не менее, материалы этого периода известны и выделены в особый средневековый горизонт данного участка памятника ³.

Упомянутые строительные надписи молдавского времени показывают, что крепость была предметом постоянной заботы княжеской власти и что работы по ремонту, достройке и улучшению фортификационных качеств велись регулярно. Это обстоятельство заставляет предполагать, что само строительство велось в несколько этапов. Надпись господаря Юги была извлечена из внешнего панциря стены Гарнизонного двора крепости, отделяющей его от Гражданского ⁴; возможно, она отмечает факт завершения постройки крепости в пределах Цитадели и Второго двора.

Из стратегических соображений представляется наиболее вероятным, что постройка древнейшей Белгородской крепости началась с господствующей над средневековым городом высоты – надлиманного мыса, на котором ныне располагается Цитадель, ставшая в последствие зародышем более крупного фортификационного объекта (мы оставляем в стороне вопрос о времени возведения древнейшей цитадели). В любом случае, возведение вала, скрывшего под собой золотоордынский квартал на месте нынешнего Центрального раскопа, было последней по времени работой в создании Белгородского фортификационного ансамбля. Следовательно, на каком-то раннем этапе жизни города в его "молдавское столетие" не представлялось необходимым сносить сооружения в пределах упомянутого городского квартала и жизнь на нем могла продолжаться. Это тем более вероятно, что присоединение города (и всего региона) к Молдове не сопровождалось особыми сдвигами в этнической структуре населения ⁵.

С момента возобновления в 1996 году работ Белгород-Тирской экспедиции западная окраина Центрального раскопа неизменно составляет один из участков исследования в каждом полевом сезоне. В 1999-2000 гг., после перенесения ограды западного края раскопа, на открывшемся для исследования участке была осуществлена прирезка общей площадью около 455 м². На ней были выявлены многочисленные остатки строительных объектов золотоордынского

времени, составившие продолжение в западном направлении городского квартала, исследованного Л.Д. Дмитриевым и А.А. Кравченко. Большая часть новооткрытых сооружений относится к третьему строительному периоду золотоордынской эпохи⁶.

Выше золотоордынских объектов, в слое серого гласиса, залегают более поздние строительные остатки. Сохранность их очень плохая, практически все они представлены лишь одними нижними рядами кладок, изредка двумя. За исключением одной печи, ни один из этих объектов не сохранился на полной площади, зафиксированы только отдельные фрагменты сооружений. Ни один из них не представляет собой закрытого комплекса; все они залегают в переотложенном слое, насыщенном керамическими остатками разных эпох с преобладанием материалов римского времени.

Ниже мы приводим краткое описание наиболее сохранных объектов этого горизонта.

Кладка № 614 открыта на длину 2,38 м; ширина: 0,47 м; максимально сохранившаяся высота: 0,35 м. Подошва кладки залегает на уровне 0,75 м ниже уровня современной дневной поверхности. Кладка однослойная, двухлицевая. Сохранилось два ряда кладки. Сложена из известняковых блоков на глинистом растворе, уложенных постелисто ложками на фасад. Отеска неплотная. Рядность выдержана плохо. Южный торец выбран современным переуглублением.

Подошва кладки № 624 залегает на уровне 1,0 м от уровня современной дневной поверхности. Открыта на длину 3,77 м; ширина: 0,45 м; максимально сохранившаяся высота: 0,37 м (в западной части). В западной части к северному фасаду примыкает печь № 625. Кладка двухслойная (?), однолицевая с лицевым северным фасадом. Сохранилось три ряда кладки. Сложена на глиняно-земляном растворе. Притеска по месту отсутствует. Нижний ряд кладки состоит из рваных по слою, необработанных плит известняка-ракушечника и среднего бута. Во второй ряд уложены более крупные плиты. Камни второго и третьего ряда обожжены по северному фасаду. К югу от фасадного слоя – хаотично расположенный мелкий и средний бут.

Печь № 625 примыкает к северному фасаду кладки № 624. Овальной в плане форме. Ориентирована по оси З–В. Размеры по внутреннему контуру: 1,3×1,0 м. Уровень залегания верха каменной кладки – 0,4 м, пода – 0,8 м ниже уровня современной дневной поверхности. Печь представляет собой однокамерное сооружение с глиняным сводом, обложенное по кругу камнями, составляющими однослойную кладку, от которой сохранилось два ряда. Свод печи представляет собой глиняную обмазку, прокаленную до красного цвета, рухнувшую внутрь печи. Толщина свода: 0,15 м. Каменная обкладка

состоит из мелких рваных по слою известняковых плит и среднего бута. По внутреннему фасаду все камни обожжены. В восточной части кольцо камней нарушено. Под печи залегает под слоем пепла, подстилающим рухнувший свод. Представляет собой обожженную поверхность желтоглинистого грунта, местами слабо обмазанную глиной. Имеет небольшой (0,02 м) уклон к востоку. Толщина пода: 0,04 м.

Кладка № 632 имеет уровень залегания подошвы 0,92 м ниже уровня современной дневной поверхности. Длина 1,58 м; ширина: 0,38 м; максимально сохранившаяся высота: 0,26 м. Кладка однослойная, двухлицевая. Сохранился единственный нижний ряд кладки. Сложена из рваных по слою грубо обработанных плит известняка на глиняно-земляном растворе. Камень уложен постелисто, ложками либо тычками на фасад. Под подошвой кладки прослеживается желтоглинистая подсыпка мощностью 0,25 м.

Кладка № 636 сильно разрушена. Длина сохранившейся части 1,35 м; ширина 0,32 м; максимально сохранившаяся высота: 0,30 м. Уровень залегания верха кладки – 0,35 м ниже уровня современной дневной поверхности. Кладка однослойная, двухлицевая. Сохранилось два нижних ряда кладки. Сложена из рваных по слою грубо обработанных плит известняка, грубо отесанных полигональных блоков без кадровки, мелкого и среднего бута на глиняно-земляном растворе. Рядность выдержана плохо. Кладка имеет заметный (до 0,14 м) уклон к югу.

Кладка № 639, возможно, является стеной того же помещения, что и кладка № 636 (уровень залегания их подошв одинаков); впрочем, место стыка кладок не сохранилось. Длина 1,58 м. ширина: 0,42 м; максимально сохранившаяся высота: 0,20 м. Уровень залегания подошвы кладки – 0,65 м ниже уровня современной дневной поверхности. Кладка однослойная, двухлицевая. Сохранился единственный нижний ряд кладки, состоящий из трех крупных полигональных известняковых блоков. Швы заложены бутом.

Кладка № 651 была ошибочно отнесена нами к золотоордынскому времени⁷, тогда как она принадлежит к более позднему горизонту. К ее описанию можно добавить, что ее выявленная длина – 4,80 м; кладка имеет слегка дугообразную форму.

К кладке № 651 примыкают с юго-востока ступени № 694. Первую сверху ступень составляют два грубо обработанных известняковых блока, залегающих на 0,10 м ниже сохранившегося верхнего ряда кладки. Вторая ступень состоит из одной наклонно положенной плиты, перпендикулярной первому ряду и продолжающей его линию (всего на 0,03 м ниже верхнего ряда). Третий ряд также состоит из одной плиты, залегающей на 0,14 м ниже предыдущей. Общая длина ступеней составляет 1,27 м, общая высота – 0,37 м.

Наконец, кладка № 693, расположенная к юго-западу от кладки

№ 651, также слегка дугообразна в плане. Длина 2,98 м, ширина 0,38-0,51 м, максимально сохранившаяся высота 0,33 м (на южном торце, где уцелел не один, а два ряда). Подошва кладки залегает на глубине 0,59 м ниже уровня современной дневной поверхности. Кладка двухслойная, однолицевая, с лицевым восточным фасадом. Сложена из крупных, грубо обработанных блоков известняка. В западном фасаде и в забивке швов использован бутовый камень.

Помимо вышеописанных, среди строительных остатков исследуемого горизонта присутствуют еще несколько совсем мелких фрагментов кладок, ряд каменных завалов и участков горелой коричневой глины (остатки открытых очагов?).

Стратиграфическая ситуация на данном участке Центрального раскопа такова, что горизонт с указанными строительными остатками перекрывает горизонт с сооружениями золотоордынской эпохи, довольно надежно датируемыми последним, третьим строительным периодом ордынского Акчакермана. Соответственно, исследуемые артефакты должны принадлежать к более позднему времени – и именно, к молдавскому. Выше мы уже указывали, что, вероятно, на раннем этапе истории молдавской Четатя Албэ фортификационные нужды не требовали сносить сооружения в пределах оживленного городского квартала и жизнь на нем могла идти своим чередом. Подобная необходимость появилась позже, и все жилые и хозяйственные сооружения на раскапываемом нами участке были нивелированы под насыпь вала.

Таким образом, выше изложенные обстоятельства приводят нас к гипотезе об определении строительного горизонта, перекрывающего остатки построек золотоордынской эпохи, как *раннемолдавского*. Хронологически он, видимо, определяется последней четвертью XIV-го века. Если надпись Юги свидетельствует о постройке к 1399 году стен Гарнизонного двора, это уже достаточно близкое расстояние, требующее сноса сооружений на площади нынешнего Центрального раскопа (к тому же жилой квартал тянулся дальше на северо-запад). В крайнем случае, время гибели квартала приходится на первую треть следующего столетия, когда во времена Александру чел Буна крепость охватила площадь, близкую к современной.

Остается лишь выразить надежду, что будущие исследования позволят уточнить гипотезу о существовании и характере раннемолдавского горизонта на участке древнего города, где сосредоточены раскопочные работы Белгород-Тирской экспедиции.

Примечания:

---

¹ Бырня П.П. Из истории молдавского Белгорода – Четатя Албэ // Аккерманские древности. – Вып. 1. – Белгород-Днестровский, 1997. – с. 123.

² Войцеховский В.А. Строительные надписи на стенах крепости в Белгороде-Днестровском // Юго-Восточная Европа в средние века. – Кишинев, 1972. – с. 374.

³ Клейман И.Б. Стратиграфия культурного слоя городища Тиры-Белгорода // Античная Тира и средневековый Белгород. – К., 1979. – с. 63.

⁴ Войцеховский В.А. Указ. соч. – с. 371.

⁵ Бырня П.П. Указ. соч. – с. 112.

⁶ Богуславский Г.С. Строительный комплекс золотоордынского времени из раскопок Белгород-Тирской экспедиции 1999 года // Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор'я. – Одеса, 2000. – с. 141-142.

⁷ Там же. – с. 139.

⁸ Клейман И.Б. Указ. соч. – с. 62.